

НАКАНУНЕ ИНОГО ГОСУДАРСТВА

Глеб Павловский

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Современное государство выйдет из кризиса победителем, но станет неузнаваемо. Оно укрепится, но сильно изменится. Сегодня средний класс оплачивает либертарианские пиры и пирамиды спекулянтов на глобализации. Но уже завтра он потребует твердых гарантий неповторения чего бы то ни было подобного. «Кризис? Никогда больше! Такое не должно повториться!» — вот как это будет звучать. Экономическая архитектура либерального государства, пережившего кризис, будет отредактирована обществом — больше безопасности, меньше рисков, больше прозрачности и контроля. И это не просто будет принято, а общепринято — и ляжет в обязательственную основу следующего консенсуса.

Новая норма возьмет все от капитализма, от общества, от государства, перемешав их власти заново. Граждане потребуют крайне жесткого контроля финансового сектора, сведенного к сфере финансовых услуг. Приватизацию общественной инфраструктуры осудят и ограничат. Кризис ведет к накоплению легитимной мировой власти — новых компетенций в делах контроля (транснациональной финансовой активности) и тирании прозрачности (финансовых потоков и т.п.)

***

В рисках кризиса, если не поддаваться страхам, заложено больше, чем в человеческих привычках, жутко консервативных. Кризис — это ненормально. Зато он открывает задачу *послекризисной нормализации*, ставя ее в приоритет... Государства? Общества? Власти?

Проблема нормальности и политика нормализации — очень русский вопрос. Он связан с генезисом России и ее последующих исторических «ре-учреждений». Намерение строить *свободное, демократическое, социальное государство Российское* ясно зафиксировано в Основном законе, а сакральность Конституции объяснима нашим страхом забыть последнее определение себя.

Конституционализм Медведева задает политике Десятых рамку нормализации. Но нормализация сталкивается с вопросом о приоритетах государства: либеральное или демократическое? Социальное или свободное? Трескучая болтовня 1990-х кружилась вокруг этого реально несделанного выбора. Общество не участвовало в споре, временно захваченное стихией жадности. Российское общество после 1991 года — это *жадное, а не капиталистическое общество*. Жадность иррационально преувеличена, ненаказуема, ей не противопоставлены сдержки — кроме жадности первого встречного. Предметом жадности были деньги, отличия, но и власть — в том числе прямая власть — над меньшинствами, людьми, чужаками. Власть как проекция общественного садизма, как «антиволя» — воля закрепить, поработать, вмешиваться.

Путинскую деполитизацию Нулевых предопределил выбор в пользу нелиберальной демократии, который следующим же шагом потребовал системы засло-

нок перед страстями нелиберального большинства. Считать ли нам парадоксом тот факт, что именно либеральный страх перед «тоталитарными массами» предрешил выбор илиберальной демократии большинства, как модели? Но интрига изначально была заложена в российский конституционализм. Либерал оказывался перед выбором: либо отмена Конституции-93 и война за новое учреждение России (но *он ли* выиграет блицкриг?), — либо «строгое соблюдение» Конституции-93. Иными словами, пир хищников либо политика закрытого списка, номенклатуры субъектов — политика *обуживающей трактовки* — когда список политических субъектов сужен почти до конституционного рубрикатора (в идеале — каждому термину хорошо бы приписать не более 2–3 субъектов).

***

Государство после кризиса захочет многое контролировать, и будет поддержано в этом стремлении другими государствами. Тем самым, вопрос «перезагрузки» международных институтов, создания новых, и правил взаимодействия прежних — и в частности, «евроатлантическая инициатива Медведева» — перестает быть профессорской темой, попадая в центр повестки дня.

Это неизбежный процесс. Его отличие от послевоенного миростроительства — дефицит авторитета стран-победительниц. Однако и США уже не получают авторитета, необходимого для роли глобального контролера. Поэтому эта новая сфера *глобальной власти* станет ареной сделок и вылазок суверенных правительств на ничью территорию. Ведь никто не согласится попасть в группу *контролируемых, но не контролирующих!* ■